

Результат был поразительный. Если бы я произносила реплики на неродном для меня языке, это были бы просто слова. Когда я играла и говорила по-норвежски, все русские зрители знали, что я говорю, потому что все русские знают «Анну Каренину» чуть ли не наизусть, однако им пришлось открыть другие чувства — смотреть, слушать звуки, а не просто воспринимать слова, потому что мою речь они не понимали. Правда, там были субтитры, но всё равно зрительское восприятие обострилось.

Этот небольшой результат культурной глобализации — то, что «Анна Каренина» игралась на двух языках, — показал, что мы все в той или иной степени являемся продуктами этой глобализации. Мой муж итальянец, я норвежка, наш сын с рождения говорит на двух языках, и таких детей огромное множество в XXI веке. Нам стоит помнить об этом, быть смелее, рассказывать истории на нескольких языках и не бояться, если неродной язык звучит в ваших устах неидеально.

Мы все в мире — из разных мест и встречаемся порой в совершенно неожиданных местах. Мы должны всегда

быть открыты к неожиданностям, к новым сюжетам, каких не было раньше, до глобализации. Это могут быть и любовные истории, и трагедии...

Когда мы встретились с Томмазо, я переехала в Италию в 2005-м, потому что он не хотел уезжать от своих детей от первого брака, и мне не казалось уместным просить его переехать в Норвегию, хотя в Норвегии у меня была работа — и в театре, и в кино. После пяти лет вместе, после постоянных переездов из Италии в Норвегию мы оба поселились на севере Норвегии.

Томмазо:

— Вообще-то, это фильм «Каренина и я» перевернул нашу жизнь и заставил сделать новый выбор. Мы теперь живём за полярным кругом, на берегу фьорда, в родной деревне Гёрильд. Это недалеко от города Киркенес, от русской границы. Так что если уж говорить о глобализации, то мы её собственной шкурой чувствуем!

Я читал Толстого очень давно — «Войну и мир», и всё, что я оттуда помню, — это месседж о том, что историю делают простые люди. Каждый раз, когда я приезжаю в Россию — а я мно-

го раз бывал в России за последние 20 лет, — я встречаюсь с такими людьми, и они остаются в моей жизни на всегда.

Я был счастлив показать Гёрильд Россию, которую я открывал для себя столько лет, но оказалось, что она бывала в России задолго до меня!

Гёрильд:

— Да, когда я была школьницей, у меня была подруга по переписке в Мурманске. Я поехала к ней в гости, это было в 1988 году. Я подарила ей свои джинсы, ходила с ней в школу... Свою первую запись Уитни Хьюстон я купила в русской пиратской копии!

Мы, люди, выросшие в Арктике, всегда были близки с соседями — с финнами, шведами, русскими. Наши кочевники — саами — не замечают границ между этими странами. Наш регион огромный, а в нём живут всего 75 тыс. человек, так что у нас большие пустые просторы, всем хватает места.

Томмазо:

— В той части света, где мы живём, рядом с российским Поморьем, практически нет границ.